

СЛУЧАИ ЭКСПЛИЦИТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ДЕЕПРИЧАСТНЫМ ОБОРОТОМ

И. В. Белявцева

Российский государственный открытый технический университет путей сообщения

Настоящая статья посвящена изучению языковых единиц, служащих для эксплицитного обозначения смысловых отношений в конструкциях, осложненных деепричастным оборотом. С помощью таких специальных языковых средств обыкновенно манифестируются отношения сравнения и уступки. Для обозначения данного класса слов используется термин “коннекторы”.

В последние годы понятие пропозиции, заимствованное из логики, стало важнейшим инструментом изучения семантической структуры предложения и в работах по синтаксису трактуется как языковое воплощение некоего “положения дел” в действительности, как константное номинативное ядро предложения, его объективное содержание, которое остается неизменным в любых языковых условиях [1; 8; 9; 10]. Пропозиция, по словам Н. Д. Арутюновой, “составляет ту основу, на которой держится здание пропозитивной семантики” [1, с.37]. В связи с применением этого понятия несколько иное осмысление получает простое предложение, содержащее деепричастный оборот. В семантическом плане оно рассматривается как полипропозитивное. Как отмечает М. А. Кормилицина, «такое простое предложение может выражать “сложную” мысль, способно обладать большой семантической ёмкостью» [8, с.4]. Подобная конструкция представляет нашему сознанию некое положение вещей, поставленное в определенное отношение к другому положению вещей, то есть разного рода обстоятельственные отношения (временные, причинные, условные, уступительные и т.д.) устанавливаются между двумя пропозициями, которые формируются, с одной стороны, на основе деепричастия (деепричастная пропозиция), а с другой — на основе сказуемого матричного предложения (пропозиция матричного предложения). Таким образом, понятие пропозиции позволяет снять противоречие, наблюдаемое в учебных пособиях по русскому языку при описании синтаксических функций деепричастия. Это противоречие состоит в том, что многие исследователи, наряду с деепричастиями, которые в предложении выполняют функцию второстепенного сказуемого, выделяют также и деепричастия, выступающие в роли обособленных обстоятельств. Но при этом

совершенно не учитывается тот факт, что обстоятельство не может коррелировать с подлежащим. Кроме того, деепричастный оборот, подобно придаточному предложению, имеет свои дополнения, определения, обстоятельства и даже обособленные члены. На наш взгляд, деепричастие во всех случаях употребления выступает только в роли второстепенного сказуемого. А разного рода обстоятельственные отношения устанавливаются, строго говоря, не между сказуемыми, а между двумя пропозициями.

Отношения между деепричастной и матричной пропозициями так же, как и в бессоюзном сложном предложении, выражаются чаще всего имплицитно, то есть соответствующие отношения не находят поддержки на морфологическом уровне, а выводятся из лексико-семантического содержания пропозиций путем опосредованного вывода, сделанного на основе семантики языковых единиц, их речевого “поведения”, а иногда повседневного опыта и знаний говорящих. Следует заметить, что имплицитное выражение синтаксических (и не только синтаксических) значений, особенно широко представленное в устно-разговорной речи, в полной мере обеспечивает успешность языковой коммуникации. Приходится, однако, считаться с тем, что отсутствие специальных показателей ведет к неоднозначной квалификации смысловых отношений. Поэтому в некоторых случаях имплицитный способ оказывается представлен не “в чистом виде”: иногда в предложениях исследуемого типа для детализации, уточнения характера семанто-синтаксических отношений, существующих между ситуациями, используются формальные грамматические показатели. С помощью таких специальных эксплицитных языковых единиц обыкновенно манифестируются отношения сравнения и уступки.

Отношения первого типа возникают в том случае, если деепричастие обозначает признак, срав-

ниваемый или сопоставляемый с глагольным признаком. Эти отношения в конструкциях с деепричастным оборотом взаимодействуют с хронологическими отношениями, которые фиксируют различные виды временного соотношения действий, свойств, качеств и т.д. предмета-подлежащего, названных в деепричастной и матричной пропозиции. Как известно, деепричастие не имеет собственной временной ориентации на момент речи, поэтому оно способно передавать только относительную хронологическую характеристику, то есть указывать на действие, которое тем или иным образом сопутствует главному действию матричного предложения. Такую темпоральную соотношенность, вслед за Р. О. Якобсоном называют таксисом. В рассматриваемых конструкциях отношения сравнения проявляют себя так ярко, что оттесняют на задний план временное соотношение деепричастного и глагольного действий. Таксисные отношения становятся коммуникативно несущественными, они служат лишь фоном для передачи дополнительных значений.

Как правило, для выражения сравнения в русском языке используют две группы связующих средств. Первая группа, представленная языковой единицей *как*, модифицирует значение соответствия, равенства сравниваемых положений дел. С помощью второй группы, к которой относят показатели связи *будто, как будто, словно, точно*, оформляется сравнение, которое представляется не как нечто реальное, а лишь как возможное или воображаемое. Эти языковые средства обладают яркими модальными свойствами. Характерно, что в сравнительных деепричастных оборотах не употребляется служебное слово *как*, поскольку оно несет значение полного уподобления, равенства сравниваемых действий, а передача таких значений не свойственна деепричастной пропозиции. Поэтому в структуру деепричастного оборота вводятся только те показатели связи, которые указывают на некоторое подобие, большее или меньшее сходство, субъективную интерпретацию того, о чем сообщается в матричной пропозиции. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «*как будто, будто, словно, точно* – знаки “кажмости” субъективного впечатления того, что показалось, привиделось» [2, с. 851]. С их помощью передается сомнение, неуверенность говорящего в соответствии события, представленного в деепричастной пропозиции, действительности, в результате чего деепричастная пропозиция относится к иному модальному плану, чем матричная.

В лингвистической литературе языковые единицы, служащие для эксплицитного обозначения сравнительных отношений в конструкциях, осложненных деепричастным оборотом, по преимуществу называют сравнительными союзами [6; 14]. Однако причисление их к этому классу слов является некорректным, поскольку деепричастный оборот не может быть введен в предложение с помощью подчинительных союзов. Поэтому в последнее время отдельные авторы для обозначения данного класса слов используют другие термины: сравнительные частицы [13], аналоги союзов, скрепы [5], “проясняющие” слова [3], модальные операторы [2]. Однако мы отдаем предпочтение термину “коннекторы”, который, на наш взгляд, более точно подходит для определения данного класса слов. Этот термин используется в основном в зарубежной лингвистике и, в частности, в исследованиях Женевской семантической школы и определяется как языковая единица, устанавливающая определенный тип смысловых отношений между частями (пропозициями).

Семантические разновидности сравнительных деепричастных оборотов связаны с взаимодействием нескольких составляющих, таких, как структурные особенности предложения (употребление различных коннекторов, порядок следования частей), категория вида личной формы глагола в матричной пропозиции и категория вида деепричастия, используемая в несобственной функции.

Среди деепричастных сравнительных оборотов самую большую группу составляют такие, которые присоединяются к матричному предложению при помощи коннектора *точно*: *Она поглубже набрала воздуха в грудь, точно ныряя в воду (В. С. Гроссман); Но Бек-Агаманов, точно боясь испортить произведенный эффект, вкладывал шашку в ножны (А. Куприн)*. Синонимичный ему коннектор *словно* встречается несколько реже и отличается от *точно* только стилистической окраской: *Пьер Дарю, словно продолжая говорить давно начатую речь, со спокойной важностью бросил закругленные фразы (В. Виноградов)*. Коннекторы *точно* и *словно* указывают на значительное сходство сравниваемых пропозиций.

Как показал проведенный нами анализ, интенсивное развитие в составе сравнительных деепричастных конструкций претерпевает коннектор *как бы*. В современном русском языке такие примеры довольно частотны. Как свидетельствуют наблюдения М. И. Черемисиной, в XIX веке *как бы* употребляется в основном в качестве союза в со-

ставе сложных предложений [12]. В современном русском языке **как бы** практически утрачивает союзную функцию и употребляется в “простом или усложненном предложении” [2; с.842]. В описываемых предложениях, как правило, этот коннектор используется для конкретизации чувств человека, его внутреннего состояния, непосредственных реакций: *Я вышел на балкон и долго стоял, как бы собираясь с мыслями (И. Бунин); Англичанин постоял с минуту, как бы давая и себе и другим время привыкнуть к необычности положения (Н. Федорова); Теперь же она получает ее, как бы становясь на место Андрея Арсентьевича (С. Сартаков).* Коннектор **как бы** две разные ситуации, представленные в деепричастной и матричной пропозициях, стремится совместить, свести к одной.

Коннектор **будто** привносит в деепричастную пропозицию модальное значение “кажимости”, воспроизводит процесс восприятия: *А Соня, будто рассеянно глядя куда-то, с усмешкой напевала: «Средь шумного бала, случайно...» (И. Бунин); Зубков смотрел на поезд, будто завидуя пассажирам (В. Мирнев).* **Как будто** конкретизирует точность степени восприятия ситуации, сигнализирует о предположительности интерпретации: *И, как будто ожидая чего-то, он прибавил: «Ещё бы померанцевой?» (Д. Мережковский); Он весь потянулся к ней, как будто просытаясь, с нежною сонной улыбкой (Д. Мережковский).* Коннектор **как будто** перед деепричастной пропозицией довольно часто употреблялся в XIX веке. В современном русском языке такие примеры не являются частотными. Сейчас вместо **как будто** чаще используют **как бы**.

В некоторых случаях коннекторы **словно**, **будто** употребляются с частицей **бы**, что придает деепричастной пропозиции сравнения условно-предположительный характер: *Он очень ловко достаёт из-за пазухи Димки толстую тетрадку, трясет ею, словно бы желая оцутить вес (В. Смирнов); Она тихо зарыдала, будто бы только в эту минуту поняв то, что случилось (И. Бунин).*

Значение сравнения в рассматриваемых предложениях наслаивается в основном на таксисные отношения одновременности: *Она промчалась над ним на пьяном жеребчике, и за ней повалил, точно толкая ее, батальон (В. Гроссман); Я долго стоял, как бы собираясь с мыслями (И. Бунин); Люди, словно не понимая, что все уже кончилось, расходились нехотя (Е. Носов).* Выражение данных хронологических отношений большей частью предполагает использование деепричастия в форме несовершенного вида, являющейся наиболее приспособленной

для “выделения и передачи у действий срединного периода в их естественном, процессном протекании” [4, с. 124]. Хотя, впрочем, не исключается возможность постановки деепричастия и в совершенном виде при глаголе-сказуемом как несовершенного, так и совершенного вида: *Она сидела с полузакрытыми глазами, как бы вглядываясь во что-то внутри себя, никому другому не видимое (Н. Федорова); Они выступили из-за дерева и застыли в неподвижности, как бы являя собой композицию “благодарность” (В. Токарева); Теперь вся обитель раскинулась вишь, словно бы отразив на себе дальние замыслы владыки Алексия (Д. Балашов).*

Для сравнительного деепричастного оборота наиболее естественным является положение после сказуемого, так как он дополняет или поясняет содержание матричной пропозиции: *Перед тем как выйти, он обернулся и посмотрел на Веронику, как бы раздумывая, прихватить ли ее собой или нет (В. Токарева).* Препозитивный деепричастный оборот довольно редок. Немногочисленные случаи такого его употребления вызваны чаще всего стремлением говорящего подчеркнуть содержание матричной пропозиции, становящейся при данном порядке слов ремой высказывания. В этих единичных примерах в составе деепричастной пропозиции употребляется в основном коннектор **точно**: *Точно извиняясь перед Вавиловой, он удивленно сказал: “В Чуднове поляки” (В. Гроссман); Точно радуясь свободе, громче и веселее побежали навстречу Ромашову яркие звуки марша (А. Куприн).*

В отдельных случаях деепричастный оборот используется для пояснения предшествующего ему обстоятельственного слова: *В другой раз Петр проговорил смущенно и робко, точно извиняясь: “Прости, Алеша!” (Д. Мережковский); Я быстро, точно боясь, не случилось ли чего там без меня, вошел в свою комнату (И. Бунин).* Такие деепричастные обороты могут быть расположены и в постпозиции, и в препозиции относительно сказуемого, но обязательно после обстоятельственного слова: *Говорил он быстро, как бы торопясь высказать мысль (Г. Вишневская); “Ну и что: поедем!” – задорно, точно споря, сказал Миша и поднялся (В. Гроссман).*

Коннекторы также могут быть использованы для конкретизации уступительных отношений, возникающих при наличии противоречия между ситуациями, представленными в деепричастной и матричной пропозиции, то есть матричная пропозиция сообщает о таких событиях, фактах, которые не должны были бы произойти по названным в

деепричастной пропозиции причинам, но, тем не менее, происходят. В отличие от предложений со сравнительным деепричастным оборотом, коннекторы *даже, тем не менее, все-таки, все же, еще, так и*, маркирующие данный тип отношений, употребляются в матричном предложении перед сказуемым: *Сдерживая нетерпение и уже злобу, он все же постарался быть любезным (И. Бунин); Пройдя через все глумления над своим талантом, он все-таки остался верным своему народу (Г. Вишневецкая).*

Выражая уступительные отношения, глагольное и деепричастное действия протекают одновременно. Это достигается употреблением большей частью деепричастия в несовершенном виде. Что же касается использования видовых форм глагола-сказуемого матричного предложения, в нем могут функционировать как глаголы несовершенного вида, так и совершенного: *Не понимая по-китайски, дама все же угадывала смысл его речи (Н. Федорова); А между тем германцы войну против нас начали, имея всего-навсего три тысячи танков против наших двадцати четырех тысяч (В. Суворов).*

Хронологические отношения одновременности в рассматриваемых предложениях двувариантны, то есть в одних случаях фиксируется полная одновременность, в других — частичная. Полная одновременность реализуется чаще всего при употреблении деепричастия несовершенного вида при глаголе-сказуемом несовершенного вида: *Характеризуя его как человека сурового и бескомпромиссного, он все же говорил о нем с большим теплом (из газет).* Для выражения частичной одновременности наиболее типичным является использование деепричастия несовершенного вида, соотнесенного с глаголом-сказуемым совершенного вида: *“Ох и сокол!” — насмешливо подумал Морозов, все же помня неприятный разговор (В. Гроссман).* В редких случаях значение одновременности передается деепричастием совершенного вида: *Восемнадцать стран все-таки отменили смертную казнь за общеуголовные преступления, сохранив ее только для военных преступников (из газет); Никогда, даже вновь сойдясь с Аксиньей, он не думал, чтобы она когда-нибудь заменила мать его детям (М. Шолохов).*

Отношения неодновременности в описываемых предложениях не реализуются.

Деепричастный оборот со значением уступки одинаково свободно используется как в препозиции, так и в постпозиции относительно сказуемого. В тех случаях, когда деепричастный оборот находится перед сказуемым, он называет собственно

уступку: *И, еще не различая лица, по вьющейся легкой походке Петро угадал жену (М. Шолохов).* При постановке его в постпозицию на указанное значение накладывается еще и оттенок добавочного сообщения: *Несколько позже, в 1796 году, французский ученый П. Лаплас высказал сходные идеи о происхождении Земли, не зная о существовании трактата И. Канта (В. Гаврилов).*

Таким образом, употребление коннекторов в составе предложений, осложненных деепричастным оборотом, позволяет не только однозначно квалифицировать соответствующие смысловые отношения между частями, но и детализировать тонкие семантические оттенки, тем самым создавая больше возможностей точнее передать мысль говорящего или пишущего и понять эту мысль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М., 1999. — 896 с.
3. Богуславский И.М. О семантическом описании русских деепричастий: Неопределенность или многозначность // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. — Т. 36, № 3. — С. 270—281.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. — 208 с.
5. Гуркова И.В. Средства связи в деепричастном обороте // Морфология глагола и структура предложения. — Новосибирск, 1990. — С. 3—11.
6. Дерibas Л.А. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства // РЯШ. — 1953. — № 4. — С. 41—49.
7. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: Автореф. дис. ... док. филол. наук. — Москва, 2001. — 41 с.
8. Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротининой. М., 2003. — 149 с.
9. Ломов А.М. Типология русского предложения. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. — 280 с.
10. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М.: Высш. шк., 1990. — 175 с.
11. Хегай В.М., Шмелева Т.В. Предикативность и пропозитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. — Калинин, 1978. — С. 114—127.
12. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. — Новосибирск, 1976. — 270 с.
13. Черемисина М.И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. — Новосибирск: Наука, 1987. — 197 с.
14. Чупашева О.М. О грамматическом значении предложений с синтаксическим рядом обособленных деепричастных оборотов // Филологические науки. — 2003. — № 4. — С. 84—93.